

О—ой!..

(Новелла).

Это было въ началѣ іюня. Рано утромъ, какъ только что взошло солнце, я былъ уже на ногахъ и уѣхалъ верхомъ въ лѣсъ. Стояла чудная погода. Ночью шелъ дождь—и по небу быстро бѣжали разрозненныя грозовыя тучки. Онѣ все еще гнѣвались, погромыхивали и, нѣтъ-нѣтъ, золотыя нити дождя ниспадали на землю, и невольно казалось, что незримыя руки бѣгутъ по этимъ дрожащимъ струнамъ неба и рождаютъ послѣдними аккордами грома...

Тихо было въ лѣсу. Онъ словно прислушивался къ этой мелодіи грома и тихонько молился. А потомъ—все и прошло: небо умолкло и заговорилъ, ожилъ лѣсъ—заворковала гор-linka, закуковала кукушка. И когда я спросилъ ее: „Сколько мнѣ жить?“—она посулила мнѣ долгіе годы... Давно это было! „Молодость, молодость, спутница милая“! Не помню я—гдѣ и когда мы съ нею разстались, но только когда я оглянулся и вспомнилъ о ней, ее уже не было! Но, виновать, все это было потомъ уже, послѣ, а тогда... тогда мы были пріятелями. Я увѣренно и смѣло смотрѣлъ впередъ, я несъ въ себѣ порывы неистраченныхъ силъ, мнѣ не спалось даже вотъ ночью, и я съ утра уже бродилъ верхомъ по лѣсу. Мнѣ хотѣлось побыть одному, подъ небомъ лѣтняго утра и прислушаться къ тихой мелодіи жизни, которая сладко дрожала въ груди...

Это были минуты (вы знаете ихъ?), когда „безумно, мучительно хочется счастья, женской ласки“, когда образъ женщины не рѣзлется съ нами и кротко улыбается намъ, и молишься ему, и умиляешься, что „мягкая коса, какъ прежде, расплелась“... И все это было тогда! А потомъ (незамѣтно, какъ молодость), ушло и утонуло въ прошломъ...

Я объѣхалъ весь лѣсъ, намѣренно удлиняя дорогу въ безконечномъ и путанномъ лабиринтѣ прихотливыхъ лѣсныхъ тропъ, а потомъ—свернулъ въ крупный лѣсъ и выѣхалъ на широкую просѣку, по которой тянулась проселочная дорога къ нашему селу. Станный, стонущій звукъ донесся вдругъ до меня, и я не сразу понялъ—что это...

— О—ой! О—ой!—выкрикивало съ дороги...

Проѣхавъ немного впередъ, я нагналъ костлявую, бѣлую клячу, которая тащила за собой „колесня“ (такъ называется